

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

**К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ
УПОТРЕБЛЕНИЕ I И II ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН
В КОМИ ЯЗЫКЕ***

Категория времени в коми языке уже не раз привлекала внимание финно-угроведов: материал учебников, научных грамматик, монографий и статей дает обильный материал как исследователям, так и практикам — учителям, журналистам, писателям. Однако бросается в глаза одно обстоятельство: все предшествующие исследования имеют односторонне дискретно-аналитический ракурс — формы, их значения и функции в них выделяются почти изолированно друг от друга, часто безотносительно к внутренней систематике и взаимосвязи, взаимозависимости временных форм. Особенно это относится к раскрытию дистрибуции прошедших времен.

Вопрос о прошедших временах и их системных взаимодействиях имеет свою историю. Прежде всего важно установить внутренние взаимоотношения наиболее древних синтетических прошедших времен, I на *-i(-i)* и II на *-õm*, сущность которых чаще всего определяется как противопоставление претерит — перфект, хотя этого отнюдь не достаточно. Точнее можно охарактеризовать II прошедшее время как результативное. Б. А. Серебrenников отмечает, что широкое распространение перфекта в индоевропейских, финно-угорских, тюркских и кавказских языках свидетельствует о необходимости особого выражения результата действия (1988 : 49). Расхождение терминологических дефиниций прошедших времен, данные разными исследователями в учебниках и научных трудах, для большей наглядности представим в таблице 1.

Таблица демонстрирует разброс мнений о сути грамматической семантики прошедших времен, хотя ключевым здесь является вопрос определения сущности и различий в употребительности и семантике I и II прошедших времен. Исследователи коми языка в качестве наиболее заметного фактора семантического противостояния двух времен определяли эвиденциальность, или неочевидность действия. Впервые на это указал в своей грамматике Н. Рогов «Прошедшее: *me*

* Публикация поддержана Российским гуманитарным научным фондом, № гранта

Таблица 1

Исследования	Прошедшее I <i>муніс</i>	Прошедшее II <i>мунѳма</i>	Прошедшее III <i>вбі мунѳ</i>	Прошедшее IV <i>вбі мунѳма</i>	Прошедшее V <i>вбім мунѳма</i>
Флеров	прошедшее совершенное, несовершенное	—	—	—	—
Куратов	прошедшее время	прошедшее время 2	—	—	—
Wiedemann	Präteritum	Präteritum (3 sg)	—	—	—
Uotila	Präteritum	Perfekt	Imperfekt	Plusquam-perfekt	—
Майшев	общее прошедшее время	перфект	имперфект, длительное прошедшее время	сложный перфект	давно-прошедшее время
СКЯ	прошедшее очевидное	прошедшее результативное	—	—	—
КПЯ	I прошедшее (очевидное)	II прошедшее (неочевидное, перфект)	—	—	—
Бубрих	очевидное прошедшее	неочевидное прошедшее	—	—	—
Rédei	Praeteritum	Perfectum	Imperfectum	Plusquam-perfectum	—
Серебренников	первое прошедшее время	прошедшее неочевидное (перфект)	прошедшее длительное	плюсквам-перфект (прежде-прошедшее)	прошедшее длительное абсентива
Bartens	1. preteriti	2. preteriti	—	—	—

кері 'я делал', *сыја кіріс* и *сыја керѳм* 'он делал', *ныја воктысѳ* и *ныја воктѳмасј* 'они пришли'. Отсюда видно, что третье лицо прошедшего времени в обоих числах имеет два окончания: одно видимое, кончающееся в единственном числе на *ые*, *іе*, во множественном на *ысѳ*, *ісѳ* и употребляемое тогда, когда действие совершалось или совершилось в глазах говорящего; напр.: *ме адзіві*, *сыја керіс* 'я видел, он делал' или *ме адзіві*, *ныја керісѳ* 'я видел, они делали'; другое невидимое, кончающееся в единственном числе на *ѳм*, *ем*, во множественном на *ѳмасј*, *емасј*, употребляется тогда, когда говорящий не видел совершившегося действия; напр.: *отјыр баітѳны*, *сыја воктѳм* 'люди говорят, он пришел', *отјыр вісјтавісѳ ныја воктѳмасј* 'люди сказывали, они пришли'» (Рогов 1860 : 53). Такое противопоставление ярко бросается в глаза при исследовании разговорно-бытовой речи. В грамматиках и многих научных трудах фактор эвиденциальности приводится как основной различитель в дистрибуции I и II прошедших времен (СКЯ 215; КПЯ 253; Бубрих 1949 : 124; Bartens 2000 : 207 и др.). Авторы удмуртской грамматики к фактору эвиденциальности добавляют фактор результативности в качестве отличительного признака двух синтетических времен: «В противоположность первому прошедшему, выражающему протекание действия в прошлом, до момента речи, второе прошедшее обозначает, как правило, такое действие, очевидцем которого был или как будто был сам говорящий. Второе прошедшее употребляется для обозначения действий, очевидцем и участником

которых говорящий не был. Об этих действиях он говорит по их результатам или со слов других. *Самолет сиёнен груззэ Дон вылэ к у ш т э м* (В. Журавлев, Кушетйз камыш) 'Самолет груз с удовольствием сбросил на Дон'» (ГСУЯ I 205).

Противопоставление эвиденциального, или неочевидного, прошедшего времени очевидному охватывает обширный ареал, куда входят пермские, марийский, обско-угорские, тюркские, болгарский, а также курдский, японский и эскимосский (в Гренландии) языки. Всех их объединяет категория квотатива (или же *impercipientive, non-witnessed, second-hand information*), причем квотатив выражается с помощью форм перфекта (Dahl 1985 : 149—150). Б. Комри основной ареал распространения таких языков соотносит с прежней Османской империей, включая ряд финно-угорских языков на территории бывшего СССР (Comrie 1976 : 110). Типологическое рассмотрение языков, располагающих временами для выражения завершенного действия, информация о котором получена не прямо, а опосредованно, проделал в своей монографии Х. Хаарманн, есть и другие работы по типологии эвиденциальности (Haarmann 1970; *Evidentiality* 1986 и др.). Применительно к коми языку эвиденциальная сема II прошедшего времени описана достаточно полно в работах М. Лейнонен и Е. А. Цыпанова (Leinonen 2000; Цыпанов, Лейнонен 2000).

Однако примеры употребления I и II прошедших времен в коми языке часто невозможно связать с фактором эвиденциальности, или неочевидности. Так, I прошедшее время является основным повествовательным временем в языке народного эпоса, сказок, художественной, научной литературы, в языке средств массовой информации при изложении событий, явно не очевидных для повествователя. Примеры: *Сё кёрныссэ с и б е д і с н ы с, Отик и менурей к у т і с н ы с. Сідз тай и к у ч и с н ы с сіе Нуодны нин и только-о* (КНЭ 261) 'Сто оленей приблизили, Одного менурея (крупного кастрированного оленя) поймали. Так ведь и стали его вести только'; *Войбыд к а й и с н ы вёлаяс, рёмыд сынёдын в у д ж р а с и с н ы мегыръяс, юръяс. Сизимдасёдз л ы д д и с Винеv* (Чисталев 170) 'Всю ночь ехали, подымались (на катище) возницы с санями, двигались, как тени дуги, головы. До семидесяти насчитал Винеv'; *Кама районын мян эраёдз 4000 во сайын о л і с уральскёй пранарод, отласа йёз. Тайё йёзыс о л і с н ы отласа прародинаын, с ё р н и т і с н ы оти кывйён — уральскёй подув кывйён* (Лыткин II 41—42) 'В районе Камы до нашей эры 4000 лет назад жил уральский пранарод, единый народ. Эти люди жили на единой прародине, говорили на одном языке-основе'; *Ч у ж л і с Петр Распутин Печора вожын, Троицк сиктын* (В. Мартынов) (КМ 4.03.1997, с. 6) 'Родился Петр Распутин по Печоре, в с. Троицк'; коми II *Ульяныс к о л ь л а л і с мужиксё и сы бёрын е ш т ё т ч и с, ю к т а л і с - в е р д і с подасё, а кёр ю г д і с, в е т л і с отирыскёт гуна вылө, о т с а л і с төлётчыны* (Федосеев 173) 'Ульяна проводила мужа и после этого сделала все по дому, напоила-накормила скот, а когда рассвело, сходила с людьми на гумно, помогла провеивать зерно'.

На этот факт обратил внимание еще И. И. Майшев при рассмотрении семантики глаголов в I прошедшем времени: «В переводе «Краткого курса истории ВКП(б)» это прошедшее употребляется во

всех случаях и, конечно, даже тогда, когда ни о какой очевидности действия со стороны повествующего не может быть и речи: *Шөркодъ крестьяналён жё лыдыс воысь вё ч и н і с* 'Количество же средних крестьян с каждым годом уменьшалось' (ВКР(б)-са История, с. 8)» (Майшев 1934 : 6). О том, что фактора неочевидности для объяснения употребления II прошедшего наряду с I прошедшим недостаточно, аргументированно писали Б. А. Серебренников и Р. Бейкер (Серебренников 1960 : 65—66; Baker 1983 : 71). В связи с этим предлагались иные критерии для объяснения семантической разницы между двумя синтетическими прошедшими временами в коми языке.

Б. А. Серебренников в качестве фактора разграничения семантики времен выводит результативное значение II прошедшего времени: «По своей природе прошедшее неочевидное время представляет чистейший перфект типа латинского *perfectum praesentis*, который означает существующий в данный момент результат действия, законченного в прошлом: *Войся пурга дзыкёдз ты р т ө м а туйсö* 'Ночная пурга совершенно замела дорогу'» (Серебренников 1960 : 65). В другой работе он говорит о модальном значении неочевидности как результате развития от более древнего базового перфектного значения (Серебренников 1963 : 266). Однако и фактор результативности не универсален, так как глаголы в I прошедшем времени также могут указывать на результат действия, например, *Медбёрти сэсыя дзыкёдз эббсьыс у с и, э з к у т в е р м ы н ы нинём керны. И з м и с гырк пытшкёсыс, пуксьыны ни водны оз вермы, кокъясыс пыктісны, краж кодъ л о и н ы* (Чисталев 117) 'Наконец [Вась] совсем обессилел, не стал мочь ничего делать. Закаменело в груди и животе, не может ни лечь ни встать, ноги опухли, стали как обрубки дерева'.

Подобное расширенное употребление I прошедшего времени в коми языке особенно заметно при сопоставлении с удмуртским материалом, где употребление соответствующего коми II прошедшего времени более всеобщее, оно является основным средством повествования (Leiponen, Viikuna 2000 : 500—501). Для иллюстрации уместно привести часть перевода на коми и удмуртский языки стихов 35—36 из 9-й главы Евангелия от Матфея: коми ³⁵*Иисус в е т л і с-к ы т ш л а л і с став кар-сиктөд. Сійö в е л ö д і с йöзöс еврей вичкоясын, Ен ыджыдалөм йылысь бур юр в и с ь т а в л і с, б у р д ö д а л і с йöзöс быдсяма висьом-доймалөмъясысь. ³⁶Унаысь-уна йöзöс адзылөмысь сы сьö-лөмө на вöсна п ы р и с дой: сэтшöм найö в ö л і н ы мудзöсь, эбс-тöм-вынтöмöсь, видзысьтöм ыжъяс кодьöсь* (Матьвей 33); удм. ³⁵*Иисус в е т л э м вань карьёстй но гуртьёстй, синагогасазы дышетыса, Эк-сэйлыклясь Евангелизэ тодытыса, п ö р т э м висёнёслэсь, ляб-зöньёслэсь адямиосты бурмытьяса. ³⁶Л ю к а с ь к е м калыклясь возьмасьтэк кылэм ыжъёс кадъ катътэммемзэс, пазьгиськемзэс адзы-са. Со ж а л я м соосты* (Виль сйён 26).*

Интересны в этом отношении и параллельные переводы научно-популярной работы К. Хяккинен и С. Цеттерберга «Финляндия вчера

* ³⁵И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелии Царства и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. ³⁶Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря.'

и сегодня. Краткий очерк истории Финляндии» на русский, марийский, коми, удмуртский языки (проект осуществлен по инициативе Общества М. А. Кастрена (Хельсинки)). Тексты на марийском и коми языках используют разные времена, марийский в основном т.н. II прошедшее, а коми I прошедшее:

мар. *Тиде увер финн обществом чот ко ж г а т е н. Финляндийым революций шйлышан Россий деч ойыраш шонен, финн парламентыште шукрыак верым айлыше буржуазий 1917 ий 15 ноябрьыште тыгай пунчалым луктеш: ончыч Россий императорын кидыштыже уло пўтынь власть ынде парламент кидыш кусна. Тиде пунчал негызеш парламент сенатын вуйлатышыжлан П. Э. Свинхвудым ш о г а л т е н. Тудо парламентлан Финляндийым эрыкан манын увертараш ойым п у э н. 1917 ий 6 декабрьыште финн парламент тиде ойым п е н г ы д е м - д е н. Совет Россий Финляндийын эрыкым налмыж нерген 1918 ий 4 январьыште шотыш н а л ы н. Тиде кечынак Францият, Швецият да Германият тыгак ы ш т е н ы т* (Суоми мланде 74);

коми *Сійö жö кадö Россияысь в о и с ызьбдан юр: большевикъяс м ы р д д ь ö м а ö с ь власть. Революция Россияысь торйöдчыны зильысь Финляндиялöн парламентын сэки медвына буржуазия 1917 вося вöльгым тöлысья 15 лунö шуис босьтны парламент кид став ыджыдалöмсö. Та подув вылын и н д i с н ы сенатöн юравны П. Э. Свинхвудöс, коди в ö з й и с парламентлы шуны Финляндияöс асиöрлунаöн. 1917 вося öшым тöлысья 6 лунö тадзи и л о и, Сöветъяслöн Россия п ы д д и п у к т i с Финляндиялысь асиöрлун 1918 вося төв шöр 4 лунö, сійö жö луннас тадз в ö ч и с н ы Франция, Швеция да Германия (Суоми 63).**

Отличие употребления II прошедших времен в коми языке по сравнению с удмуртским и марийским Б. А. Серебренников связывал с установкой повествователя: «В целях придания живости и наглядности в сказках употребляется обычно первое прошедшее время, хотя действия, описываемые в сказке, могут быть неочевидными для рассказчика. В этом отношении коми-зырянский язык существенно отличается от марийского и удмуртского языков, где употребление модального перфекта в этих случаях представляет закономерное явление» (Серебренников 1960 : 65). И. И. Майшев тоже связывал разницу в употреблении I и II прошедших времен с представлением о действии повествователя: «Между общим прошедшим временем и перфектом, хотя они оба обозначают бывшее действие, есть резкая разница. Общее прошедшее наиболее наглядно. При восприятии предложения с общим прошедшим в качестве сказуемого воочию рисуется развертывание действия во всей его специфике и динамике. К. *Сійö м у н i с вöрö, Удм. Со нлюэскы м ы н й з* 'Он ушел в лес'. В этом

* 'Но в это время из России пришло электризирующее известие: большевики захватили власть. Чтобы оторвать Финляндию от революционной России, буржуазное большинство парламента решило 15 ноября 1917 года, что вся власть, принадлежавшая раньше российскому императору, принадлежит теперь парламенту. Пользуясь этой своей властью, парламент назначил главой сената П. Э. Свинхвуда, по предложению которого 6 декабря 1917 года парламент объявил Финляндию независимой страной. Советская Россия признала независимость Финляндии 4 января 1918 года, и в тот же день это сделали Франция, Швеция и Германия' (Финляндия 86).

предложении глагол *муніс*, *мынйз* в форме общего прошедшего времени рисует картину ходьбы как действия, развертывающегося во времени. Можно отчетливо представить все этапы этого действия... К. *Сійö му н ö м (а) вöрö*. Удм. *Со нюлэскы мы н э м* 'Он ушел, оказывается, в лес'. Форма *мунöма*, *мынэм* не дает представления о развертывании действия во времени, а обозначает только определенное состояние предмета в результате действия» (Майшев 1934 : 11).

Таким образом, поиск основы для дифференциации в употреблении I и II прошедших времен исследователи переводили с чисто семантических факторов на психолингвистические. В этом отношении интересны наблюдения Д. Бейкера, который попытался выдвинуть некий единый параметр — отчуждение повествователя от действия, выраженного глаголом: он пишет, что II прошедшее время в коми-зырянском является на самом деле центром механизма, который первично проявляет неопределенную или невовлеченную позицию, которую говорящий имеет по отношению к действию глагола и, в частности, указывает на его внимание, сфокусированное на результатах действия более, чем на способе его выполнения (Baker 1983 : 80). Отношение говорящего к действию Р. Бейкер называет еще пространством (*space*), подчеркивая, что условия, управляющие употреблением времени, соответственно субъективны и комплексны (Baker 1983 : 79). Р. Бартенс, принимая взгляды Р. Бейкера, подчеркивает, что главное для говорящего, когда он использует II прошедшее время, — это неучастие его в действии (Bartens 1993 : 31). Однако и эти психолингвистические параметры не охватывают всех разновидностей употребления форм времен и подчас даже противоречат языковому материалу, например, *А мийö таладор берегас изья муö сизьдöм окопьясö пы р ö м а ö с ь* (Торопов II 184) 'А мы на этом берегу забрались в окопы, продолбленные в каменистую землю'. Здесь говорящий принимал активное участие в действии. Налицо случай выражения чистой результативности или статального перфекта. Фактор живописности представления действия глаголов в I прошедшем времени в отличие от невыраженности протекания действия у глаголов во II прошедшем также далек от универсальности, поскольку глаголы в I прошедшем времени теперь употребляются широко, особенно в газетах, на радио и телевидении, в научных работах, когда повествователь не был свидетелем действия и ни о какой живописности в его восприятии речи быть не может, например, *Любовь Ефимовна Шаньгина — врач. 44 во уд ж а л і с больничаян* (КМ 6.10.2001, с. 1) 'Любовь Ефимовна Шаньгина — врач. 44 года работала в больнице'; *Войнасö по м а л і с Прибалтикаын. Сэсянь ну и с н ы Саратовö да демобилизуйтисны 1945-öд воын* (Йöлöга 2001, № 18, с. 1) 'Окончил войну в Прибалтике. Оттуда повезли в Саратов и демобилизовали в 1945 г.' В обоих примерах сведения о деталях жизни ветеранов корреспонденты узнали непосредственно от них. С другой стороны, семантически идентичное содержание могут выражать и формы II прошедшего времени, например, *Пöчöй менам рöднас Койгортясь. Карвуджöм грездын чу ж ö - м а - б ы д м ы л ö м а. Бать-мамыслöн медводдза кагаён в ö л ö - м а. Сэки челядьтö унаöс лöсьöдлісны* (Йöлöга 2001, № 18, с. 2) 'Моя бабушка по отцу родом из Койгородка. Родилась и выросла в д. Кар-

вуджем. У родителей была первым ребенком. Тогда детей много заводили'. Иными словами, во многих однотипных ситуациях формы I и II прошедших времен употребляются параллельно, находясь в отношениях дополнительной дистрибуции.

Для разграничения употребления времен ни один критерий или фактор, о которых шла речь, не пригоден. Конечно, на экспансию в дистрибуцию I прошедшего времени вместо модального перфекта прямое и сильное влияние оказывает русский язык, особенно при переводе с русского на коми. К примеру, в переведенной с русского языка статье А. Малыхиной «*Волсяын в ё л і уна вичко да уна олысь*» ('В с. Вотча было много церквей и жителей'), написанной по архивным материалам и воспоминаниям старожилов, большинство глаголов употреблено в формах I прошедшего времени — всего 37 употреблений. И есть лишь один пример на употребление II прошедшего времени (Йёблõга 2001, № 38, с. 7).

В качестве факторов-разграничителей в употреблении I и II прошедших времен в речи, газетах, научной литературе — в однотипных контекстах — уместно выдвинуть еще три: уверенность/неуверенность, доверительность/недостаточная доверительность и указание/неуказание на источник сведений о законченном действии глагола. По поводу первого фактора ученые уже имеют определенные наблюдения. Так, Б. А. Серебренников комментирует пример *Тані й и р с ь ё м а ё с ь д а ш о й ч ч ё м а ё с ь, гашкё и у з и с н ы* 'Здесь паслись и отдыхали, а, может быть, и спали (лоси)': «Глагольное действие может быть фактически неочевидным для говорящего, но если последний твердо уверен в его действительной реальности, он может употребить первое прошедшее время» (Серебренников 1960 : 65). Этот же пример Р. Бейкер толкует по-своему: выбором I прошедшего времени мальчик проявляет рост возбуждения и чувства вовлеченности в действие (Baker 1983 : 81). На наш взгляд, прав скорее Б. А. Серебренников, нежели Р. Бейкер. Подобные переключения с глаголов II прошедшего на I прошедшее часты в повседневной речи. В качестве иллюстрации приведем отрывок из рассказа Е. Афанасьева «Висьталё Мõдей Паш», где герой юмористического рассказа описывает эпизод из своих женитьб: *Бергõдї юрõс орчõн куйлысьлань — Микол Сандра в ё л ё м а. О́дйõджык чеччи, мам дорõ петї. Мый нõ, юалї, тайõ тэ ме дорõ л э д з и н, да-й орчõн на в о д ё м а?* (Афанасьев 37) 'Повернул голову к лежащему рядом человеку — Микол Сандра, оказывается, была. Быстрее встал, вышел к матери. Почему же, спросил, эту ко мне пустила, да еще рядом легла, оказывается?' Для говорящего здесь действие матери (пустила) также является неочевидным, однако он употребляет I прошедшее время, будучи уверенным, что пустить женщину к нему могла лишь его мать, так как никого другого в доме не было, они живут лишь вдвоем.

Фактор доверительности/недоверительности источнику сведений играет ключевую роль в языке фольклора, в повествованиях о различных случаях из жизни, в газетных и научных публикациях, когда предпочтительнее оказываются формы I прошедшего времени, например, *Иранскõй йõзлысь разнõй кадõ общепермскõй йõз б о с ь т і с н ы скõт видзõм, а ськõд тиõтш и кывъяс: вурун, мõс, меж, пода* (Лыткин

45) 'От иранцев в разные времена пермяне переняли животноводство, а с ним вместе и слова: *вурун, мӧс, меж, пода*'; *Войвылын комияс вотӧдз о л і с н ы мукӧд кывъя йӧз. Найӧ, дерт жӧ, уна ывлавывса объектлы с е т а в л і с н ы нимъяс. Бӧрынджык комияскӧд орчӧн о л і с н ы карелъяс да вепсъяс, хантъяс да мансияс* (Туркин 7) 'На севере до прихода коми жили народы, говорившие на других языках. Они, конечно, многим природным объектам давали имена. Позднее вместе с коми жили карелы и вепсы, ханты и манси'; *Республикаса кусӧдчысъяс весьшӧрӧ няньсӧ оз сӧйны. Сидз, 2001 волӧн медводдза куим тӧльсыӧ Комиын бийд ы п н и т л і с 488-ыс. Торйӧн уна ӧ з й ы л і с Сыктывкарын, Воркутаын, Удораын* (КМ 28.04.2001, с. 7) 'Пожарные республики зря хлеб не едят. Так, за первые три месяца 2001 г. в Коми пожар вспыхивал 488 раз. Особенно много загоралось в Сыктывкаре, Воркуте, Удоре'. Действия глаголов для говорящего, естественно, являются неочевидными, однако он, доверяя источнику или иному материалу, употребляет I прошедшее время вместо перфекта. Идентичным образом говорящий может не указывать на то, что сведения о действии он получил не прямо, а от промежуточного источника (употребляя I прошедшее), или же не подчеркивать иной косвенный характер получения информации.

В целом в современном коми языке выбор I или II прошедшего времени включает многие семантические параметры, но ни один из них не имеет всеобщего характера. На это указывает очень широкое употребление глаголов в I прошедшем времени зачастую там, где было бы уместно употребить II прошедшее. Ключевую роль в введении в речь I и/или II прошедших времен играет функциональный стиль, в котором употреблен глагол. Влияние разных факторов на употребление глагольных времен представим в таблице, в скобках приведены вторичные, поздние факторы.

Таблица 2

Факторы	Глаголы в I прош. вр.	Глаголы во II прош. вр.
Эвиденциальность	- (+)	+
Результативность	- +	+
Отчуждение говорящего от действия глагола	-	+
Уверенность/неуверенность	+	-
Доверительность/неполная доверительность источнику	+	-
Указание на источник сведений о действии	-	+

В строгом смысле последний фактор органически входит в состав фактора эвиденциальности, однако в современном коми языке он имеет самостоятельную роль, когда авторы употребляют I и II прошедшие времена параллельно, без указания на источник в случае I прошедшего и с указанием на него в случае II прошедшего, например, в газетах, научной литературе подчас даже при передаче мнения иных лиц употребляется и I прошедшее время, например, *У ч е н ӧ й я с л ы д д ь ӧ н ы, мый коми кывйын содтысян й-ыс а р т м и с и-ыс, кодӧн вӧлі войдӧр помасьӧны татшӧм кывъясыс. Комиын сійӧ у с ь ӧ - м а, а удмурт кывйын в у д ж ӧ м а ы-ӧ* (Игушев 27) 'Ученые счи-

тают, что в коми языке вставочный *й* возник из *и*, на который в древности оканчивались такие слова. В коми звук выпал, а в удмуртском перешел в *ы*': *Б и о г р а ф М. С и б и р ц е в п а с и ы л і с, мый Истомин бура т ө д і с зырянскöй кыв, кодöс сэж кежлö омöля на вöлі туялöма* (Н. Хатанзейский) (Йöлöга 2001, № 46, с. 7) 'Биограф М. Сибирцев отмечал, что Истомин хорошо знал коми язык, который к тому времени плохо еще был изучен'. Глаголы в первом предложении (*артмис*) и во втором (*тöдiс*), по законам языка, следовало употребить во II прошедшем, так как имеется прямая отсылка к источнику сведений, однако авторы допускают употребление глагола без указания на промежуточный характер сведений о действии. Таким образом, I прошедшее употребляется в современном языке даже и в значении квататива, вместо II прошедшего времени, например, *Медводдза коми сöветскöй гижысыяс сьöлöмсяньыс чолöмалiсны вьль олöм, Октябрь. Босьтам көть нин Виктор Савинöс да Михаил Лебедевöс. Семьяны тытшкöсса преданиесе рти, Михаил Лебедевöн пöльпöчыс вöлины крепостнойясöн. Кöзяин-помещикыс коркö в о р с с и с найöс картiөн. Вьль кöзяиныс в у д ж ö д i с коньöрьясöс ыли войвылö, «ош муö»* (Микушев 4) 'Первые коми советские писатели от всего сердца приветствовали новую жизнь, Октябрь. Возьмем хоть Виктора Савина и Михаила Лебедева. Согласно семейному преданию, предки Михаила Лебедева были крепостными. Хозяин-помещик когда-то проиграл их в карты. Новый хозяин перевел бедняжек на далекий север, «в медвежью страну»; *С ы л ö н м а т ы с с а я с ы с т ö д ч ö - д i с н ы, к у т ш ö м з и л ь д а ы д ж ы д с ь ö л ö м а в ö л i т а й ö а в ь я м о р т ы с, к у т ш ö м у н а б у р с и й ö з i л и с в ö ч н ы к о м и й ö з л ы* (Б. Ильин) (КМ 2001, № 143, с. 8) 'Его родственники указали, какой трудолюбивый и сердечный был этот человек, сколько много хорошего он старался сделать коми народу'. Здесь, вероятно, также действует фактор доверительности источнику. С другой стороны, в научных, газетных и художественных текстах в сплошном повествовании, построенном на употреблении I прошедшего времени, подчас встречается и II прошедшее с выраженным оттенком указания на некий источник сведений (сообщения, документы). Взаимоотношения дистрибуции I и II прошедших времен в современном языке, таким образом, имеют достаточно сложный характер.

Такая же сложная картина употребления основных прошедших времен (I и II) наблюдается в современном удмуртском языке. Согласно сообщению Л. Л. Карповой, в газетах в информативных текстах используется I прошедшее (в основном), в сказках, в легендах и преданиях — I и II прошедшее (довольно часто), в художественной прозе I прошедшее (чаще), II прошедшее (реже), в научно-популярных работах I прошедшее (в основном) и II прошедшее (очень редко). В целом вопрос дистрибуции разных прошедших времен в пермских языках еще нуждается в дальнейшем изучении. Иными словами, и в современном удмуртском языке употребительность I и II прошедших времен не укладывается в предлагаемую в грамматиках и иных трудах простую формулу — наличие или отсутствие у повествователя фактора очевидности/эвиденциальности применительно к действию, названному в основе глагола.

Можно сформулировать некоторые предварительные выводы.

1. В современном коми языке уже нельзя говорить об эвиденциальности как об основном или единственном факторе, определяющем употребление основных синтетических прошедших времен — I или II (традиционно претерита и перфекта). Поиски исследователями какого-то одного «простого» логико-семантического регулятора для объяснения употребления этих времен не привели к рациональным результатам. Скорее всего, можно говорить о комплексе факторов, определяющих употребление времен.
2. Несомненно, в диахронном процессе расширения употребительности I прошедшего времени на случаи, когда повествователь не является свидетелем действия, названного глаголом, видно большое влияние контактирующего русского языка. В коми языке проявляется прямая зависимость употребления названных временных форм от функциональных стилей: более исконные типы употребления времен наблюдаются в повседневной разговорно-бытовой речи, в художественной литературе — в диалогах, а в авторском повествовании, в языке средств массовой информации, в научном и деловом стилях преобладают формы I прошедшего времени. Тем не менее, употребление II прошедшего времени отнюдь не сходит на нет, в разных пропорциях соответствующие формы встречаются во всех функциональных стилях современного коми языка.
3. Дальнейшее исследование дистрибуции прошедших времен в коми языке предполагает обращение к методам анализа, сложившимся в современной нарратологии, ибо основанием для употребления I и II, а также других прошедших времен является позиция говорящего или повествователя, его представление о характере действия для собеседника, читателя, зрителя. Эта задача требует дополнительного текстологического анализа языковых употреблений в разных функциональных стилях. Рассмотрение материала здесь и предложенные выводы по-своему актуальны и для удмуртского и марийского языков, где также употребляются I и II прошедшие времена.

Сокращения

Афанасьев — Е. Афанасьев, Кытшъяс. Шмонитана висътьяс, Сыктывкар 1988; **Выль сйзён** — Выль сйзён. Эскерыса поттон. Удмурт кылэ берыктӧз Михаил Атаманов, филологи наукабсья доктор, Стокгольм—Хельсинки 1997; **ГСУЯ I** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1970; **Игушев** — Е. А. Игушев, Чужан кыв — менам олӧм да вӧт, Сыктывкар 1988; **Йӧлӧга** — газета для детей и молодежи, Сыктывкар; **КМ** — «Коми му», газета, Сыктывкар (до 1991 г. «Югыд туй»); **КНЭ** — Коми народный эпос, Москва 1987; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология, Кудымкар 1962; **Лыткин** — В. И. Лыткин, Мый медся дона да муса, Сыктывкар 1994; **Матьвей** — Матьвей серти Бур юӧр, Хельсинки—Стокгольм 1999; **Микушев** — А. К. Микушев, Падма весьтын сьыланкыв. Литературно-критическӧй пасйӧдъяс, Сыктывкар 1984; **Суоми** — К. Хяккинен, С. Цеттерберг, Суоми: тӧрыт и талун. Гырысьлы и ичӧтлы лыддысян небӧг, Сыктывкар 1997; **Суоми мланде** — К. Хяккинен, С. Цеттерберг, Суоми мланде тенгече да таче. Суоми мландын историйже нерген кӧчык очерк, Йошкар-Ола 1997; **СКЯ** — Современный коми язык I. Фонетика. Лексика. Морфология, Сыктывкар 1955; **Торопов** — И. Торопов, Тян, Сыктывкар 1982; **Туркин** — А. И. Туркин, Кӧни тэ олан? (Места нимъяс

йылысь висьтъяс), Сыктывкар 1977; **Чисталев** — В. Чисталев, Менам гора тулыс, Сыктывкар 1982; **Федосеев** — С. Федосеев, Кусом биэз, Кудымкар 1991; **Финляндия** — К. Хяккинён, С. Цеттерберг, Финляндия вчера и сегодня. Краткий очерк истории Финляндии, Йошкар-Ола 1997.

ЛИТЕРАТУРА

- Б у б р и х Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
К у р а т о в И. А. 1939, Лингвистические работы, Сыктывкар.
М а й ш е в И. И. 1934, Категория времени в пермских языках и ее связь с категорией наклонения (Архив Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР. Ф. РФ, оп. 2-Н, д. 342).
Р о г о в Н. А. 1860, Опыт грамматики пермяцкого языка, Санкт-Петербург.
С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1960, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.
— 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
— 1988, Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление, Москва.
Ф л е р о в А. 1813, Зырянская грамматика, Санкт-Петербург.
Ц ы п а н о в Е. А., Л е й н о н е н М. 2000, Эвиденциальная сема II прошедшего времени в коми языке. — Коми слово в грамматике и словаре, Сыктывкар, 83—99 (Труды ИЯЛИ УрО РАН, вып. 62).
В а к е r, R. 1983, Komi Zyryan's second past tense. — FUF 45, 69—81.
В а r t e n s, R. 1993, Suomalais-ugrilaisten kielten tempuksista. — Systeemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14.5.1993, Turku, 21—37.
— 2000, Permiläisten kielten rakenne ja kehitys, Helsinki (MSFOu 238).
С о m r i e, B. 1976, Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems, Cambridge.
D a h l, Ö. 1985, Tense and Aspect Systems, Oxford—New York.
Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology, Norwood 1986 (Advances in Discourse Processes 20).
H a a r m a n n, H. 1970, Die indirekte Erlebnisform als grammatische Kategorie. Eine eurasische Isoglosse, Wiesbaden (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Band 2).
L e i n o n e n, M. 2000, Evidentiality in Komi Zyryan. — Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages, Berlin—New York (Empirical Approaches to Language Typology 24), 419—440.
L e i n o n e n, M., V i l k u n a, M. 2000, Past Tenses in Permian Languages. — Tense and Aspect in the Languages of Europe, Berlin—New York (Empirical Approaches to Language Typology: Eurotyp 20-6), 495—514.
R é d e i, K. 1978, Chrestomathia Syrjaenica, Budapest.
U o t i l a, T. E. 1933, Syrjische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis, Helsinki.
W i e d e m a n n, F. J. 1884, Grammatik der syrjischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.

JEVGENIJ CYPANOV (Syktyvkar)

DEN GEBRAUCH DER VERGANGENHEITSTEMPORA I UND II IN DER KOMI-SPRACHE BESTIMMENDE FAKTOREN

Im vorliegenden Artikel wird die Verwendung der synthetischen Vergangenheits-tempora I und II in der gegenwärtigen Komi-Sprache betrachtet. Es werden logisch-semantischen Faktoren wie Evidenz, resultative Bedeutung, Ausdruckskraft, Sicherheit und Vertraulichkeit anhand von Texten verschiedenen funktionalen Stils analysiert.